

ПО МЕСТУ БОЛИ

Снятое не исчезает

18+

НИКОЛАЙ ПОЛЯРНЫЙ

Николай Полярный

По месту боли

<https://litres.ru/74687324>

SelfPub; 2026

Аннотация

Павел Белозёров оценивает старину. Двадцать лет в деле: посмотреть на вещь, назвать цену, увезти туда, где за неё заплатят.

Он приехал в пинежскую деревню оформить дом двоюродной бабки, которую видел дважды в жизни. Похороны прошли без него.

В лесу за деревней стоят семь крестов, увешанных одеждой. Вышитые пелены начала девятнадцатого века, шали, рукавицы. Издали крест за деревьями можно принять за человека.

Правила здесь простые.

Вешай по месту боли: от головы — шапку, от рук — рукавицы. Вещь висит, пока не истлеет. Упавшее не поднимай. И главное: с креста не бери ничего.

Павел берёт одну пелену — вещь музейного уровня, которая всё равно сгниёт здесь за двадцать лет

Через неделю у него начинает болеть правое плечо. Ровно то место, по которому эту пелену когда-то повесили

А к калитке приходят люди. Они девяносто лет ходили сюда лечиться и ещё не знают, что бабушка умерла. Каждый приносит вещь и ждёт, когда её возьмут

Обетная традиция Пинежья, обычаи и запреты в книге подлинны.

Содержание

Глава 1. Наследство	5
Глава 2. Сундук	12
Глава 3. Клавдия Ивановна	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Николай Полярный

По месту боли

Глава 1. Наследство

Я приехал в Нижнюю Кевролу двенадцатого сентября, через девять дней после похорон, на которые не успел.

Не успел — слово неточное. Я не поехал.

Мне позвонили третьего, в четверг, в середине рабочего дня: женский голос из районной администрации сообщил, что Белозёрова Анна Степановна, тысяча девятьсот сорок второго года рождения, скончалась, что я указан в завещании и что хоронить будут в субботу.

В субботу у меня был показ коллекции в Петербурге, который я готовил четыре месяца.

Я сказал, что приехать не смогу, и попросил, чтобы похоронили по-людски, и перевёл деньги. Женщина сказала «хорошо» таким голосом, что я понял: она меня запомнила.

Анну Степановну я видел дважды в жизни.

Первый раз мне было шесть. Мы с матерью ездили к ней летом — я помню реку, помню, что меня кормили творогом со сметаной, и помню тёмную комнату, где пахло травой и чем-то кислым.

Второй раз — на похоронах матери, в две тысячи четыр-

надцатом. Она приехала одна, в чёрном платке, постояла в стороне, положила на гроб что-то завернутое в полотенце и уехала в тот же день.

Мы не разговаривали. Она была двоюродной сестрой моей бабушки по матери, то есть мне никто.

И тем не менее дом она оставила мне.

Дорога заняла сутки.

До Архангельска самолётом, оттуда поездом до Карпогор, оттуда сто двадцать километров на машине, из них сорок по грунтовке, а последние восемь — по тому, что грунтовкой называется из вежливости.

Вёз меня мужик по имени Коля Зуй на «буханке» цвета хаки.

Он взял с меня три тысячи, всю дорогу говорил и за два часа рассказал про район больше, чем я узнал бы за неделю.

— Ты, значит, Анны Степановны родня?

— Внучатый племянник.

— А-а, — сказал Коля и помолчал ровно столько, чтобы я заметил. — Ну.

— Что?

— Ничего, — сказал он. — Хорошая была бабушка. Строгая.

Про профессию я сказал ему честно: оценщик, работаю с антиквариатом, специализация — народный текстиль и предметы культа.

Это произвело на него впечатление.

— Это что, тряпки, что ли?

— Тряпки, — согласился я. — Вышивка, ткачество, набойка. Сарафаны, полотенца, пелены. Девятнадцатый век, иногда восемнадцатый.

— И чего, дорого?

— Бывает дорого.

— Это сколько?

Я назвал цифру за хорошее браное полотенце начала девятнадцатого века, и Коля присвистнул и чуть не въехал в яму.

— Да ладно.

— Это за хорошее, — сказал я. — С сохраном, с провансом. Обычные идут по три-пять тысяч.

— У нас тут этого добра, — сказал Коля.

И замолчал — на этот раз надолго, километра на четыре.

Я эту паузу тогда не разобрал. Я решил, что он прикидывает, нет ли у него в сарае бабкиного сундука.

Нижняя Кеврола оказалась живой.

Это важно, потому что я ехал и готовился к заброшенной деревне с тремя старухами: посмотрелся таких за десять лет, и они все одинаковые — провалившиеся крыши, бурьян, тишина.

Здесь было иначе.

Домов сорок, из них жилых, я потом посчитал, двадцать два. Электричество. Два фонаря. Дорога, по которой ездят. Магазин — вагончик с вывеской «Продукты», открыт вторник и пятница. Антенны-тарелки на половине крыш. Соба-

ки.

Люди.

Я вылез из «буханки» у церкви — вернее, у того, что от неё осталось: сруб без главы, с заколоченными окнами, — и на меня посмотрели человек шесть.

Не враждебно. Внимательно.

Так смотрят в приёмной, когда входит тот, кого все ждали.

Дом Анны Степановны стоял на краю, у спуска к реке.

Пятистенок, крепкий, под шифером, с резными наличниками, которые я оценил автоматически, в три секунды: вторая половина девятнадцатого века, подновляли в шестидесятых, состояние хорошее.

Ключ лежал под крыльцом, где и сказали.

Я открыл и вошёл.

Теперь я должен объяснить, как я устроен, иначе непонятно всё остальное.

Я вхожу в чужой дом и делаю опись.

Это не корысть и даже не работа — это способ смотреть. Двадцать лет назад я начинал в ломбарде, и меня там научили одному: заходя в помещение, сразу разбей его на предметы. Что это, сколько ему лет, сколько он стоит, кому его можно продать.

Я так смотрю на всё, включая чужое горе.

На похоронах матери я заметил, что у гробовщика на правой руке часы «Полёт» шестьдесят восьмого года, и прикинул цену, и мне стало противно, и я ничего не смог с собой

сделать.

Вот и в тот день я вошёл в дом женщины, которую хорошо знали без меня девять дней назад, и первое, что я сделал, — начал описывать.

Опись имущества по адресу: Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Нижняя Кеврола, д. 11. Составлена П. А. Белозёровым 12.09.

Помещение 1 (сени). Ларь дощатый, кон. XIX в., сохран удовлетворительный. Коромысло. Два ведра оцинкованных, сов. Корзина берестяная, плетение косое, сер. XX в.

Помещение 2 (изба). Печь русская, перекладывалась. Стол, лавки, шкаф-буфет сов. 1950-е. Кровать с панцирной сеткой. Полка иконная, угловая: две иконы (см. отдельно). Часы-ходики. Радио «Селена».

Иконы. 1) Никола, поясной, XIX в., северные письма, оклад утрачен, сохран средний, запись поздняя. 2) Богоматерь Казанская, XX в., печатная на жести, ценности не представляет.

Помещение 3 (горница, нежилая). Пусто. По стенам — гвозди, 40–50 шт., на разной высоте. Назначение неясно.

Вот эта последняя строчка.

Я её написал и пошёл дальше, и вернулся к ней только через две недели.

Горница была пустая и чистая.

Половицы вымыты, окно занавешено, пахло сухой травой. Ни мебели, ни вещей. Только гвозди по стенам — обычные,

кованные и фабричные вперемешку, вбитые на разной высоте, от пола до потолка, по всем четырём стенам.

Я насчитал сорок три.

На некоторых висели обрывки — нитки, лоскуты, какая-то тесьма. На одном — целиком платок, ситцевый, выцветший, завязанный узлом.

Я решил, что это сушильня. Мало ли, бабка сушила травы, и это объяснение меня устроило на две недели.

Я переночевал.

Электричество работало, вода в колодце, печь я топить не умею, но было плюс одиннадцать, и мне хватило обогревателя, который нашёлся в сенях.

Спал плохо.

Не от страха — от тишины. Я городской человек, я двадцать лет засыпаю под шум, и в абсолютной тишине у меня в голове начинает шуметь само.

Около двух я встал попить и выглянул в окно.

У калитки стоял человек.

Мужчина, лет шестидесяти, в куртке, с непокрытой головой. Он стоял с той стороны изгороди, не заходя во двор, и смотрел на дом.

В руках он держал узелок — что-то завернутое в светлую ткань, размером с небольшую дыню.

Я смотрел на него, наверное, минуту.

Потом открыл окно и крикнул:

— Вам чего?

Он не вздрогнул.

Он посмотрел на меня — на свет, в окне, — и спросил:
— Ты теперь?

— Что?

— Ты теперь, — повторил он. Не вопросительно даже, а как уточняют очевидное.

— Я тут временно, — сказал я. — Я наследник. По документам. Вы кто?

Он помолчал.

Потом положил свой узелок на столб изгороди — аккуратно, в развилку между жердями, — и пошёл прочь.

— Эй! — крикнул я. — Заберите!

Он не обернулся.

Я вышел утром, когда рассвело.

Узелок лежал там же, на столбе. Светлая ткань оказалась вафельным полотенцем, новым, фабричным, из тех, что продают в хозяйственном.

Внутри была детская вязаная шапка.

Шерсть, машинная вязка, размер года на три, розовая с белым узором. Ношенная, но чистая, аккуратно сложенная.

Я стоял с этой шапкой в руках посреди двора в семь утра и думал единственное, что мог подумать.

Что в деревне, где двадцать два жилых дома, кто-то ночью принёс к моей калитке детскую шапку и ушёл, не объяснив.

Глава 2. Сундук

Шапку я положил на крыльцо и три дня не трогал.

У меня было дело: оформление. Это оказалось муторнее, чем я думал. Свидетельство о смерти, справка из сельсовета, выписка из ЕГРН, нотариус в Карпогорах по средам, шесть месяцев срока вступления.

Я рассчитывал на неделю. Выходило — до весны.

И при этом надо было что-то делать с домом: он стоял, в нём было бабкино имущество, зима на носу, а я находился в тысяче двухстах километрах от своей квартиры.

Я остался на месяц. Так я себе тогда сказал.

Сундук я нашёл на четвёртый день.

Он стоял на подволоке — так тут называют чердак, — под старыми половиками, в углу, у печной трубы, где теплее.

Дорожный сундук, обитый жестью по углам, с коваными петлями. Первая треть девятнадцатого века, фабрика невельская или макарьевская, определять надо по клейму. Сохран очень хороший.

Он был не заперт.

Я открыл его и минут пять молча смотрел.

Опись (продолжение). Подволока, сундук 1.

Привожу так, как записал, потому что иначе придётся пересказывать, а пересказ будет хуже.

1. Полотенце браное, лён, двусторонний узор, геометрия с

ромбами, кон. XVIII — нач. XIX в. Длина 218 см. Сохран отличный. **Музейный уровень.**

2.Пелена с нашивным крестом из кумача, лён домотканый, перв. пол. XIX в. Сохран хороший, кумач выгорел.

3–7.Полотенца льняные с красноузорным ткачеством, XIX в., разной сохранности, 5 шт.

8.Сарафан косоклиный, пестрядь, сер. XIX в., подол подрезан.

9.Рукавицы вязаные шерстяные, 11 пар, XX в., разная степень износа.

10.Чулки шерстяные, 9 пар, XX в.

11.Платки ситцевые и полушерстяные, 23 шт., XIX–XX вв.

12.Шапки, шали, подшальники — 17 ед., XX в.

13.Детские вещи: шапки — 6, носки — 8 пар, варежки — 5 пар, распашонка ситцевая — 1.

14.Рубаха мужская, холст, вышивка по вороту и оплечью, кон. XIX в. Сохран средний, разрыв на правом плече 12 см.

Всего в сундуке я насчитал сто шестьдесят одну единицу.

Теперь объясню, почему я сел на пол и закурил, хотя бросил четыре года назад.

Первые восемь позиций — это коллекция.

Я таких сундуков видел за двадцать лет штуки четыре. Один — в Каргополье, в две тысячи девятнадцатом, и за него аукционный дом взял столько, что мне хватило на первый взнос по ипотеке.

Полотенце номер один я датировал сходу и могу повторить под присягой: конец восемнадцатого века, северное браное ткачество, полный узор, без утрат. Таких в частных руках в России единицы.

А дальше — позиции с девятой по тринадцатую.

Рукавицы. Чулки. Платки. Детские шапки.

Вещи двадцатого века, фабричные и самовязанные, ношенные, никакой ценности не представляющие. Выстиранные, аккуратно сложенные и уложенные в один сундук с вещами, которым двести лет.

Это не коллекция.

Коллекционер так не собирает: он не кладёт полотенце за четыреста тысяч на детские носки из селпо.

Так собирает человек, для которого все эти вещи — одно и то же.

Вторая странность была в бирках.

К каждой вещи — вообще к каждой, включая носки, — была пришита бумажка. Маленькая, картонная, с продетой ниткой, как в гардеробе.

На бирках стояли надписи, сделанные химическим карандашом.

М. Фёдорова, голова, 54.

Зуева, спина, 61.

Мальшева, дитё, грудь, 72.

Корытов, нога левая, 83.

Я перебрал сто шестьдесят одну бирку.

На каждой — фамилия, место и двузначное число. Числа шли от сорока шести до ноля девятого. Самая поздняя, которую я нашёл в тот день, — *Пестова, рука, 09*.

Я разложил их по числам на полу, рядами, и сидел и смотрел.

Шестьдесят с лишним лет. Фамилии повторяются: Фёдоровых — девять, Зуевых — четырнадцать, Кориловых — шесть.

И «место» — голова, спина, рука, нога, грудь, горло, бок, колено, поясница.

Как будто кто-то вёл картотеку.

Я, конечно, понял быстро. Я не идиот и за двадцать лет не смотрелся обетных вещей — их приносят в музеи, они проходят по коллекциям, про них пишут.

Обетная традиция. Вещь приносят по болезни и оставляют в святом месте. На Севере — на обетных крестах, в часовнях, у поклонных камней.

Я знал это как термин.

Чего я не знал — что на бирке пишут, где болело.

Я сидел на чердаке и думал профессионально: это не просто сундук, это документированный комплекс. С атрибуцией. С датировкой по каждой единице. Шестьдесят лет одной практики в одном месте, записанной рукой одного человека.

Такого не бывает.

За это берут не аукционные дома — за это берутся музеи, пишут статьи, делают выставки. Это материал, после которо-

го фамилия остаётся в литературе.

Я сидел на полу и считал — честно, без романтики, в деньгах и в репутации.

И тогда я нашёл последнюю бирку.

Она была на рубаше — позиция четырнадцать, холст, конец девятнадцатого века, разрыв на правом плече.

Бирка на ней была новая.

Не пожелтевшая, не истёртая, а свежая: белый картон, не выцветший, нитка не потемнела. И написано не химическим карандашом, а обычной шариковой ручкой.

Почерк тот же — я сличил, сомнений нет, та же рука, только дрожащая.

Там было написано:

Белозёров, плечо правое, 36.

Тридцать шестой — это был текущий год.

Моя фамилия — Белозёров.

Я стоял на чердаке с этой биркой в руке, и у меня в голове работало ровно то, что работает у любого нормального человека.

Белозёровых в районе может быть много. Фамилия для Пинежья обычная, местная. Это может быть кто угодно: одноклассник, дальняя родня, сосед.

Это записано в тридцать шестом, то есть в этом году — значит, бабка вела картотеку до последнего, до февраля или марта, пока могла писать.

И плечо правое у кого-то болело.

Всё объясняется.

Я положил бирку на место, спустился с подволоки и пошёл к соседке, потому что у меня появился первый вопрос, который нельзя было задать гуглу.

У меня, кстати, не болело ничего.

Я пишу это отдельно, чтобы потом никто не сказал, что я подгоняю.

Двенадцатого сентября, в день приезда, я был здоров, как бывает здоров тридцативосьмилетний мужик, который следит за собой. Спина в норме, плечи в норме.

Плечо начало болеть двадцать второго, через десять дней.

А рубаху с биркой я нашёл шестнадцатого.

Глава 3. Клавдия Ивановна

Соседка жила через дом.

Клавдия Ивановна Зуева, восемьдесят один год, в очках с толстыми стёклами, в тёплой кофте в сентябре, с огородом, который она ещё копала сама.

Она открыла дверь и сказала:

— Долго ты шёл.

Я к тому времени третий раз за неделю слышал эту интонацию и начинал привыкать.

— Клавдия Ивановна, я...

— Заходи, чего на пороге.

Она усадила меня, налила чаю, поставила варенье.

И стала ждать.

Я спросил напрямую — я вообще человек прямой, у меня работа такая:

— Клавдия Ивановна, кем работала Анна Степановна?

Старуха посмотрела на меня поверх очков.

— Как это кем.

— Ну, по специальности. Она фельдшером была? Или травницей?

— Ты чего, — сказала Клавдия Ивановна. — Она бабушка была.

— В смысле бабушка? Чья?

— Наша, — сказала она таким тоном, будто я спросил,

чья тут река.

Дальше был разговор, который я записал в тот же вечер по памяти, и записал, как умею, то есть дословно.

Привожу с сокращениями, оставив существенное.

— Клавдия Ивановна, объясните мне по порядку. Я городской, я не понимаю.

— А чего понимать. Заболит у тебя — ты куда идёшь?

— В поликлинику.

— Вот. А у нас до больницы сто двадцать вёрст, и то фельдшер приезжает по вторникам, и то если дорога. А болит сегодня.

— И что делали?

— Шли к бабушке, — сказала Клавдия Ивановна.

— И она лечила?

— Она брала, — сказала старуха.

Я переспросил три раза, потому что мне казалось, что я недослышал.

— Что значит «брала»?

— То и значит. — Она отставила чашку. — Ты вот слушай и не перебивай, один раз расскажу, второй не буду.

Заболело у тебя. Ты идёшь к бабушке и несёшь вещь. Не какую попало — по месту боли. Голова болит — несёшь шапку, платок. Рука — рукавицу. Нога — чулок. Спина — рубаху. Грудь у бабы болит — кофту.

— А если внутри болит? Живот, сердце?

— Пояс несёшь, — сказала Клавдия Ивановна. — Или

рубаху. Главное, чтоб носил сам и чтоб по месту.

— Дальше?

— Дальше она берёт и говорит: оставь. И всё.

— И что, помогало?

Старуха посмотрела на меня.

— Я с сорок девятого года хожу, — сказала она. — Мне восемьдесят один. Ты как думаешь?

— Хорошо, — сказал я. — А вещь? Куда она девалась?

— Она её к себе брала.

— Себе оставляла?

— Не себе, — поправила Клавдия Ивановна. — К себе. Она на гвоздь вешала, в горнице. Вещь у неё висит, а ты идёшь здоровый.

Я вспомнил сорок три гвоздя на четырёх стенах.

— А потом?

— А потом она её относила.

— Куда?

Старуха помолчала.

— К крестам, — сказала она.

Я достал блокнот.

Я действительно достал блокнот — такой же, в каком веду описи, — и начал записывать, и Клавдия Ивановна посмотрела на это с одобрением.

— Пиши, пиши. Хоть один записал.

— Расскажите про кресты.

— За деревней, в бору, — сказала она. — По старой до-

роге, которая на Суру шла, пока новую не сделали. Там семь штук стоит.

— Семь крестов?

— Семь.

— Они все рядом?

— По дороге, — сказала Клавдия Ивановна. — Первый сразу за полем, а дальше в лес, друг за другом. Последний далеко, версты четыре.

— А почему семь?

— А по беде, — сказала старуха. — Малая беда — идёшь к трём. Большая — к семи. До последнего. Дальше уже некуда.

Правила она мне перечислила сама, без просьбы, и очень подробно, и злилась, когда я переспрашивал.

Я записал двенадцать.

1. Об обете не говорят. Кто сказал — того и нет.

2. Вешать по месту боли.

3. С креста не брать ничего. Совсем ничего.

4. Что повешено — висит, пока не истлеет.

5. Что истлело и упало — закопать тут же, у подножия. Не уносить.

6. Что пообещал — сделай.

7. Идти молча, назад возвращаться другой дорогой.

8. Воды у креста не пить. Умыться можно, набрать можно, пить дома.

9. По малому — три, по большому — семь. Меньше не

ходи.

10. Чужого не трогай.

11. Ночью не ходи.

12. Что упало — не поднимай.

Я записал и перечитал.

— Клавдия Ивановна, а третье и двенадцатое — это же одно и то же?

Она посмотрела на меня с той усталостью, с какой учитель смотрит на ученика, задавшего хороший вопрос не вовремя.

— Нет, — сказала она. — Третье — это брать нельзя, когда висит. А двенадцатое — когда уже упало. Это разное.

— В чём разница?

— Когда висит — оно ещё чьё-то, — сказала Клавдия Ивановна. — А когда упало — оно уже ничьё. Ничьё хуже.

Я спросил про гвозди.

— Сорок три штуки. На всех стенах.

— Ну да, — сказала она. — Она ж не каждый день к крестам ходила. Соберётся — тогда и несёт. Зимой раз в месяц, летом чаще.

— И вещи висели в доме?

— А где им висеть.

— Клавдия Ивановна. — Я подбирал слова. — Получается, у неё дома постоянно висели чужие болезни?

Старуха кивнула, будто я наконец сказал что-то разумное.

— Вот, — сказала она. — Потому к ней в горницу и не ходили.

Последний вопрос я задал уже в дверях, и он был самый простой.

— Клавдия Ивановна. А как она умерла?

Старуха стояла, держась за косяк.

— Тяжело, — сказала она.

— Болела?

— Не болела. — Она покачала головой. — Она, Паша, четыре месяца отходила. С мая. Лежала и не могла.

— Что не могла?

— Уйти не могла, — сказала Клавдия Ивановна.

Она посмотрела мне в лицо.

— Знающий не уйдёт, пока не передаст, — сказала она. — А ей некому было. Она Нюрку Пестову учила, так Нюрка в город уехала в девятом году и не вернулась. Больше никого.

— И что?

— И лежала, — сказала старуха. — Четыре месяца. Мы с Тасей ходили, обихаживали. Она под конец уже не говорила, только смотрела. А в августе конёк с крыши сняли, и к вечеру отошла.

Я стоял на крыльце.

— Зачем конёк сняли?

— Чтоб вышла, — сказала Клавдия Ивановна. — Она ж не могла. Ну, отец Василий не велел, а мы сняли. Грех, да что делать.

Она начала закрывать дверь и остановилась.

— Ты бирку-то видел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.